

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

С. П. Щерба,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, заслуженный работник МВД России (ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»), научно-исследовательский институт, отдел международного сотрудничества и сравнительного правоведения, заведующий)

Тема сегодняшней конференции не дань моде и не результат субъективного усмотрения ее организаторов.

Проблемы нормативного (легального) определения сути и содержания прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, создания надежных и доступных механизмов их защиты, установления критериев и пределов их ограничения при производстве по уголовным делам являются по-прежнему наиболее актуальными и острыми в сфере уголовного судопроизводства.

Их значимость особенно возросла в связи с ратификацией Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (ФЗ от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ), признанием юрисдикции Европейского Суда по правам человека, обязательным исполнением его окончательных решений.

К тому же поток запросов федеральных судов, а также жалоб и обращений граждан в Конституционных Суд Российской Федерации о несоответствии положений УПК РФ нормам международного права и Конституции Российской Федерации в части обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве свидетельствуют о том, что отдельные нормы и институты российского уголовно-процессуального законодательства не отражают реального смысла

и содержания фундаментальных и неотъемлемых прав участников уголовного процесса, умаляют и ограничивают их при производстве по уголовным делам¹.

Анализ многочисленных решений Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что в ряде норм уголовно-процессуального закона до сих пор нет адекватного отражения сущности и содержания того или иного принципа уголовного судопроизводства, а также вытекающих из них прав и свобод человека и гражданина.

Именно поэтому во всех решениях Конституционного Суда Российской Федерации его правовые позиции о сущности и содержании фундаментальных прав человека в сфере уголовного судопроизводства, о механизмах их защиты и пределах ограничения основываются на системном и взаимосвязанном толковании нормативных положений УПК РФ и Конституции Российской Федерации.

Так, например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности ряда положений ст.ст. 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголов-

¹ См.: Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовно-процессуального законодательства России. 2001–2007 / (сост. Н. Т. Ведерников, А. Н. Ведерников). — М.: ЮНИТИДАНА; Закон и право, 2009. С. 3–4.

но-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева от 20 ноября 2007 г. № 13-П его правовая позиция обоснована следующим образом: «... Находящиеся в нормативном единстве положения статьи 402, части 3 статьи 433, статей 437 и 438, частей 3 и 6 статьи 439, части 1 статьи 441, статьи 444 и части 1 статьи 445 УПК РФ нарушают статьи 19, 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой эти положения по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, — не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, а именно знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения» (п. 3.3).

При этом Конституционный Суд РФ в своих решениях неизменно подчеркивает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и в качестве таковых определяют смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, деятельность всех ветвей власти и обеспечиваются правосудием, что гарантировано ст. 18 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, на повестку дня поставлена важнейшая задача — наполнить содержание прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе тем смыслом, который отражен в Конституции Российской Федерации и нормах международного права, являющихся неотъемлемой частью правовой системы России.

Не случайно, поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 года» и Протоколов к ней» отмечено, что «содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод,

раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней.

В названном постановлении Пленума специально оговорено, что во избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, правовые позиции Европейского Суда должны учитываться при применении не только Конвенции и Протоколов к ней, но и иных международных договоров Российской Федерации (подпункт «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года).

Очевидно, что приведенные аргументы свидетельствуют о том, что важнейшей теоретической и прикладной проблемой является адекватное определение и отражение сути и содержания основных прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства России.

Так, требуется уточнить в законе право обвиняемого на соблюдение презумпции невиновности в соответствии со ст. 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, согласно которой «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком *путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты*» (курсив — С. Щ.).

Как видно, содержание презумпции невиновности, закрепленное в ст. 14 УПК РФ, должно быть наполнено смыслом нормы международного права и включать право обвиняемого на предоставление ему всех возможностей для защиты как участнику состязательного уголовного судопроизводства.

Должно быть коренным образом изменено и расширено содержание права человека и гражданина на неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ) с учетом понятия «жилище», сформулированного в уголовном и жилищном законодательстве России, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Но самое главное — содержание права человека на неприкосновенность жилища, отраженное в УПК РФ, должно быть по своей сути адекватно тому содержанию, которое изложено в нормах международного права. Между тем содержание права человека на неприкосновенность жилища

в ст. 12 УПК РФ необоснованно ограничено только правом на его неприкосновенность при производстве осмотра, обыска и выемки.

Именно такая формулировка закона позволяет осуществить в ходе дознания и следствия незаконные «обходы», проверки жилья по различным поводам. В то время как ст. 12 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что *каждый человек имеет право на защиту закона от любого произвольного посягательства на неприкосновенность его жилища* (курсив — С. Щ.).

В ст. 203 УПК РФ не раскрываются цели применения и содержание такой строгой принудительной меры как помещение подозреваемого, обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар. В данной статье закона не определено процессуальное положение обследуемого лица, сроки и пределы его недобровольного нахождения в стационаре, механизмы обеспечения его права на охрану здоровья и оказание медицинской помощи в период принудительного обследования.

Следовательно, принудительная мера — помещение подозреваемого и обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар не имеет адекватного юридического содержания и зачастую применяется незаконно и произвольно.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве до сих пор не раскрыто содержание таких неотъемлемых прав человека и гражданина как: право на неприкосновенность личности; право на неприкосновенность частной жизни; право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право потерпевшего на доступ к правосудию; на полную компенсацию причиненного вреда; на беспрепятственное участие в уголовном судопроизводстве, о чем совершенно обосновано сказано во многих трудах ученых — процессуалистов России².

Относительно проблемных вопросов о пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства следует отметить, что в УПК РФ необходимо,

прежде всего, отразить нормативные положения ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 12 декабря 1949 года о том, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Основания и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина более четко конкретизированы в ст. ст. 8, 9 и 10 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека от 4 ноября 1950 года. В соответствии с ее нормативными положениями ограничения прав и свобод человека допускается только в случаях, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в целях: 1) поддержания государственной и общественной безопасности, экономического благосостояния страны; 2) предотвращения беспорядков или преступлений; 3) охраны территориальной целостности государства; 4) защиты здоровья и нравственности; 5) защиты прав, свобод и репутации других лиц; 6) предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально; 7) обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны стран и безопасности государства.

Как видно, определение содержания и перечня случаев ограничения прав и свобод человека и гражданина отнесено к компетенции федерального закона.

К сожалению, в уголовно-процессуальное законодательство России, допускающее применение различных мер принуждения и ограничивающее права и свободы человека, до сих пор не включена общая фундаментальная норма, в которой должны быть установлены:

1) основания, условия и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства;

² См. например: Кондрат И. Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. С. 106–107; Полторацкая Н. С. Реализация конституционного права неприкосновенности частной жизни: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М., 2000. — С. 40–41.

2) перечень случаев, при наличии которых ни при каких обстоятельствах не допускается ограничение прав и свобод при производстве по уголовным делам;

3) запрет на расширительное толкование оснований (критериев) для применения каких-либо ограничений прав и свобод человека и гражданина;

4) ответственность должностных лиц и судей за необоснованное ограничение прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовным делам;

5) запрет на ограничение прав и свобод подозреваемых или обвиняемых в целях раскрытия преступления и собирания доказательств по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство, верно отмечает П. А. Лупинская, недопустимо использовать для усиления борьбы с преступностью путем ограничения прав лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении конкретного преступления. Уголовное судопроизводство должно защищать человека и гражданина от незаконного и необоснованного ограничения его прав и свобод. Охранительный тип уголовного процесса рассматривает задачу обеспечения защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, ограничения ее прав и свобод как равновеликую задаче раскрытия преступления и защиты прав потерпевшего, и предусматривает неразрывную связь между этими задачами³.

3 См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М.: Юрист, 2003. — С. 20–21.